

## РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*Б.Н. МИРОНОВ***Кто виноват:  
природа или институты?  
(Географический фактор  
в истории России). Статья 2**

В статье продолжается исследование соотношения географических и институциональных факторов в истории России, начатое в [Миронов, 2014]. Она содержит критический анализ географо-детерминистских концепций российской истории Р. Пайпса–Л. Милова и А. Паршева. На большом фактическом материале показан спекулятивный характер данных концепций.

**Ключевые слова:** географический детерминизм, воздействие географической среды на человека и общество, суровый климат, недостаток рабочего времени, неконкурентоспособность России, история России.

In article research of a ratio of geographical and institutional factors in the history of Russia, begun in [Mironov, 2014] proceeds. It contains the critical analysis of the R. Pipes–L. Milov's and A. Parshev's Geographical-Determinism Conceptions. On extensive factual material data speculative nature of these concepts is shown.

**Keywords:** Geographical determinism, role of the geographical environment, severe Russian climate, working time lack, noncompetitiveness of the Russian industry, Russian history.

**Проверка гипотезы о решающем влиянии климата**

В первой статье я представил доказательства недостоверности первой части гипотезы Р. Пайпса и Л. Милова о дефектности российского климата. Теперь верифицируем второе предположение Милова о решающем влиянии климата на результаты хозяйственной деятельности и социальные институты.

Поскольку автор *pretendует на открытие глобальной закономерности*, то, если она верна, следует найти ее проявление в российской действительности второй половины XIX в., когда сельское хозяйство оставалось в основном на доиндустриальной стадии. Российская империя представляет хороший полигон для проверки гипотезы благодаря своей обширности, разнообразию природных зон, земельных и климатических ресурсов, наличию губерний и регионов с разными культурами и институтами. Климат в разных регионах существенно различался, соответственно, разными были

---

*Миронов Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.*

и продолжительность вегетационного периода и возможного времени для полевых работ. Естественное плодородие почв, урожайность, доходность земледелия и уровень жизни также сильно варьировали по губерниям и регионам. Социальные институты, стандарты поведения и трудовая этика также имели региональные особенности. В великороссийских губерниях широкое распространение получила передельная община, в украинских, белорусских и литовских – подворная, в Прибалтике – не было ни той, ни другой. Степень распространения частновладельческого крепостного права также сильно варьировала между губерниями и регионами. На Севере, в Приуралье и Нижневолжском регионах оно мало привилось, зато в Прибалтике, Белоруссии и Правобережной Украине практиковалось весьма широко. Если гипотеза Милова верна и климат служил решающим фактором, то межгубернская вариация урожайности, доходов, уровня жизни, степени развития передельной общины и крепостничества должна находиться в зависимости от климата и его прямого следствия – возможной продолжительности рабочего времени, специфической в каждом регионе. Другими словами, географическая вариация социально-экономических последствий климата, которые постулируются Пайпсом и Миловым, должна определяться климатом и рабочим временем.

Для проверки второй части гипотезы нужны дополнительно массовые статистические сведения по 50 губерниям Европейской России о естественном плодородии почвы, эффективности земледелия, степени распространения крепостного права и передельной общины, уровне жизни населения (эти данные собраны и приведены в [Миронов, 2014, табл. 1]).

*Естественное плодородие российских почв* было измерено российскими учеными в 1930-е гг. Оно оценивалось величиной продукции стандартного набора сельскохозяйственных продуктов со 100 га пашни (тонн, при трехпольном севообороте без применения удобрения)<sup>1</sup>. Эти данные, полученные в ходе исторических экспериментов, имитировавших земледелие в тот период, когда применялось трехполье и не использовались удобрения, также могут быть распространены на XVII–XVIII вв.

*Эффективность земледелия* определим с помощью двух показателей – средней урожайности (данные имеются за столетие, конец XVIII–начало XX в.) и доходности десятины крестьянской наделной земли, вычисленной по сведениям за 1883–1900 гг. *Распространенность передельной общины* показывает доля общинного землевладения среди крестьян в губерниях. Первые по времени массовые сведения относятся к 1877 г. Но поскольку в Европейской России после полного завершения перехода к общинному землевладению, на рубеже XVIII–XIX вв., эта доля не претерпела сколь-нибудь существенных изменений<sup>2</sup>, собранная информация вполне пригодна для анализа. *Распространенность крепостного права* отражает доля помещичьих и удельных крестьян (частновладельческих) в губерниях на 1858 г. В качестве показателя *уровня жизни* используем средний рост (длину тела) новобранцев, призванных в армию в 1874–1881 гг.<sup>3</sup>

Если гипотеза Милова верна, то могут обнаружиться следующие статистические закономерности, или статистически значимые корреляционные связи: 1) между возможной продолжительностью полевых работ (средней температурой воздуха) и долей общинного землевладения *в губерниях* должна наблюдаться *тесная обратная* связь: чем продолжительнее время полевых работ (выше температура), тем *ниже* потребность в коллективных трудовых усилиях и, соответственно, меньше распространена сельская передельная община (ниже доля общинного землевладения); 2) между возможной продолжительностью полевых работ (средней температурой воздуха) и долей частновладельческих крестьян *в губерниях* должна наблюдаться *тесная обратная*

<sup>1</sup> Данные имеются только для больших регионов с однородными почвенно-климатическими условиями, потому они сугубо ориентировочны.

<sup>2</sup> Да и в XVIII в. доля общинного землевладения мало изменилась.

<sup>3</sup> О возможности использовать антропометрические данные для оценки уровня жизни см. [Миронов, 2012, с. 72–95].

связь: чем продолжительнее время для полевых работ (выше температура), тем ниже потребность в насилиии со стороны владельцев и государства, и соответственно, меньше распространено крепостное право (ниже доля помещичьих и удельных крестьян); 3) между возможной продолжительностью полевых работ (средней температурой воздуха) и урожайностью в губерниях должна быть *тесная прямая* связь: чем продолжительнее время для полевых работ (выше температура), тем выше урожайность; 4) между возможной продолжительностью полевых работ (средней температурой воздуха) и доходностью десятины крестьянской земли в губерниях должна существовать *тесная прямая* связь: чем продолжительнее время полевых работ (выше температура), тем выше урожайность; 5) между возможной продолжительностью полевых работ (средней температурой) и средним ростом (длиной тела) населения в губерниях должна наблюдаться *тесная прямая* связь: чем продолжительнее время полевых работ (выше температура), тем выше уровень жизни и, значит, средний рост (длина тела) населения; 6) между естественным плодородием земли и урожайностью в регионах должна существовать *тесная прямая* связь: чем выше плодородие земли, тем выше урожайность; 7) между естественным плодородием земли и доходностью десятины крестьянской наделной земли в регионах (сведения о естественном плодородии имеются только по районам) должна существовать *тесная прямая* связь: чем выше плодородие земли, тем выше урожайность; 8) между естественным плодородием земли и долей крепостных в регионах (сведения о естественном плодородии имеются только по районам) должна наблюдаться *тесная обратная* связь: чем выше плодородие земли, тем ниже потребность в насилиии для извлечения прибавочного продукта; 9) между естественным плодородием земли и долей общинного землевладения в регионах должна наблюдаться *тесная обратная* связь: чем выше плодородие земли, тем ниже потребность в коллективных трудовых усилиях и, соответственно, меньше распространена сельская переделная община (ниже доля общинного землевладения).

Результаты корреляционного анализа подтвердили закономерности, установленные биологами и географами о наличии тесной связи между температурой воздуха и продолжительностью периода, когда возможны рост и развитие (вегетация) растений, а также между температурой и возможной продолжительностью полевых работ: коэффициенты корреляции ( $r$ ) оказались высокими – соответственно,  $r = 0,86$  и  $r = 0,78$ . Однако анализ не подтвердил гипотезу Пайпса–Милова о решающем влиянии климата на результаты хозяйственной деятельности и социальные институты. При этом собственно температура воздуха в губернии играла меньшую роль, чем обуславливаемая ею возможная продолжительность полевых работ (см. табл. 1).

Таблица 1

**Коэффициенты парной корреляции между показателями климата, развития сельского хозяйства и уровнем жизни (по губернским данным)\***

| Переменные                                           | 1     | 2    | 3    | 4           | 5    | 6          | 7    | 8    | 9    |
|------------------------------------------------------|-------|------|------|-------------|------|------------|------|------|------|
| 1. Среднегодовая температура                         | 1,00  | 0,96 | 0,92 | 0,27        | 0,28 | 0,49       | 0,35 | 0,55 | 0,61 |
| 2. Вегетационный период                              | 0,96  | 1,00 | 0,95 | 0,13        | 0,3  | <b>0,4</b> | 0,29 | 0,48 | 0,72 |
| 3. Продолжительность полевых работ                   | 0,92  | 0,95 | 1,00 | 0,29        | 0,08 | 0,6        | 0,42 | 0,51 | 0,58 |
| 4. Доходность десятины крестьянской наделной земли** | 0,27  | 0,13 | 0,29 | 1,00        | 0,48 | 0,59       | 0,58 | 0,14 | 0,38 |
| 5. Урожайность                                       | -0,28 | 0,3  | 0,08 | 0,48        | 1,00 | 0,44       | 0,56 | 0,33 | 0,49 |
| 6. Доля общинного землевладения                      | -0,49 | 0,4  | 0,6  | <b>0,59</b> | 0,44 | 1,00       | 0,61 | 0,48 | 0,12 |
| 7. Доля частновладельческих крестьян                 | 0,35  | 0,29 | 0,42 | 0,58        | 0,56 | 0,61       | 1,00 | 0,33 | 0,04 |
| 8. Средний рост новобранцев                          | 0,55  | 0,48 | 0,51 | 0,14        | 0,33 | 0,48       | 0,33 | 1,00 | 0,22 |
| 9. Естественное плодородие почвы                     | -0,61 | 0,72 | 0,58 | 0,38        | 0,49 | 0,12       | 0,04 | 0,22 | 1    |

\* Полужирным выделены статистически значимые коэффициенты.

\*\* Без Прибалтики.

Подсчитано по [Миронов, 2014, табл. 1].

1) Между температурой воздуха или возможной продолжительностью полевых работ и *долей общинного землевладения в губерниях* наблюдается слабая *обратная* связь:  $r = -0,38$  и  $r = -0,47$ . Отсюда следует: климат лишь в слабой степени – примерно на 22% ( $0,47 \times 0,47$ ) мог объяснять потребность в коллективных трудовых усилиях, и поэтому развитие русской сельской передельной общины в решающей степени обуславливалось социальными и политическими факторами.

2) Между температурой воздуха или возможной продолжительностью полевых работ и *долей частновладельческих крестьян в губерниях* вообще отсутствует какая-либо содержательная и статистическая связь:  $r = 0,08$  и  $r = 0,16$ . Отсюда следует: климат не объясняет возникновение и суровость российского крепостничества. В самых крепостнических регионах, в Прибалтике и Белоруссии, климат более мягкий и благоприятствующий земледелию, чем в большинстве великороссийских нечерноземных губерний, на Правобережной Украине климат теплый и благоприятствующий земледелию, в то время как в самых свободных от крепостничества регионах, на Севере и в Приуралье, климат более суровый и менее благоприятный.

3) Между температурой воздуха или возможной продолжительностью полевых работ и *урожаем в губерниях* вообще отсутствует какая-либо содержательная и статистическая связь:  $r = -0,27$  и  $r = -0,10$ . Это свидетельствует о том, что урожайность – основа благосостояния российского населения в решающей степени определялась социальными, культурными и экономическими факторами, а не климатом.

4) Между температурой воздуха или возможной продолжительностью полевых работ и *доходностью* десятины крестьянской земли **в губерниях** также отсутствует какая-либо содержательная и статистическая связь:  $r = 0,20$ ,  $r = 0,14$ , подтверждая сделанный вывод: не климат, а социальные и экономические факторы определяли уровень доходности земледелия.

5) Между температурой воздуха или возможной продолжительностью полевых работ и *средним ростом* (длиной тела) населения **в губерниях** наблюдается умеренная или слабая прямая связь:  $r = 0,56$  и  $r = 0,40$ . Коэффициенты демонстрируют: в губерниях, где температура выше, и времени на сельскохозяйственные работы больше, новобранцы более рослые, значит и уровень жизни там повыше. Однако климат может объяснить лишь около 16–31% вариации роста мужчин между губерниями, а социальные и экономические факторы 69–84%. Вывод подтверждается отсутствием статистически значимой связи между ростом новобранцев и естественным плодородием почвы (географическим фактором) ( $r = 0,22$ ). Анализ свидетельствует, что уровень жизни также в решающей степени определялся социальными, культурными и экономическими факторами, а не климатом.

6) Между естественным плодородием земли и *урожаем в регионах* отсутствует какая-либо связь:  $r = -0,03$ . Это доказывает, что в регионах с низким естественным плодородием почвы можно добиться намного более серьезных результатов благодаря передовой для своего времени агротехнике, хороших сортов растений и применению удобрений. Действительно, самая высокая урожайность зафиксирована в Прибалтике, самая низкая – в Нижневолжском регионе. Урожайность в Северном регионе была на 24% выше, чем в Новороссии, а в нечерноземной полосе в целом – на 16% выше, чем в черноземной полосе, где находились лучшие в мире черноземы (см. [Миронов, 2014, табл. 2]).

7) Между естественным плодородием земли и *доходностью* десятины крестьянской земли **в регионах** наблюдается слабая прямая связь: 0,30, но она статистически не достоверна и не значима. Значит, не естественное плодородие почвы – географический, по сути, фактор, а социальные и экономические факторы в решающей степени определяли уровень доходности земледелия.

8) Между естественным плодородием земли и долей крепостных крестьян **в регионах** связь слабая, но парадоксальная для географических детерминистов – прямая:  $r = 0,45$ . Получается: чем выше естественное плодородие почвы (чем благоприятнее среда), тем сильнее крепостничество и больше потребность в насилиии.

9) Между естественным плодородием земли и долей общинного землевладения обнаруживается слабая обратная связь:  $r = -0,45$ , что как будто говорит о некотором влиянии (пусть слабом) географической среды на распространение коллективных форм организации труда: выше плодородие – меньше общины. Но в то же время, корреляционный анализ показал: чем сильнее крепостничество, тем менее распространена община ( $r = -0,61$ ), хотя по логике географических детерминистов крепостничество и община должны находиться в тесной связи.

Отсюда следует: географический фактор (естественное плодородие земли) не объясняет появление сурового крепостничества и развитие общины. Этот результат находится в полном противоречии с гипотезой Милова, предполагающей, что именно низкое естественное плодородие земли ответственно за появление коллективных форм труда в форме передельной общины и сурового крепостничества (его суровость якобы объясняется небольшой прибавочной стоимостью крестьянского труда). Структура социально-экономических показателей в 50 губерниях России весьма слабо коррелирует как с распределением температуры, так и с распределением возможной продолжительности полевых работ в губерниях и регионах. Отсюда следует, что результаты хозяйственной деятельности, распространенность передельной общины и частновладельческого крепостного права, а также благосостояние российского населения в решающей степени определялось культурными факторами, а климат и естественное плодородие земли, если и играли, то второстепенную роль.

На мой взгляд, важнее, чем климат, учитывать, что в течение нескольких веков, вплоть до начала XX в., русский крестьянский социум по многим своим характеристикам относился к традиционному обществу, земледельцы жили и работали в условиях *моральной экономики* и разделяли специфическую трудовую мораль, получившую название *этики праздности*. В основе ее лежали следующие принципы: цель производства – удовлетворение скромных потребительских запросов; получение прибыли – грех; бедность – не порок; время – не деньги; как успех, так и неудача в работе – знак Божьей милости; трудовая деятельность должна иметь нулевую прибыль (поскольку если кто-то имеет прибыль, то кто-то обязательно будет в убытке), а имущественная дифференциация – минимальна.

Если говорить о типичном русском крестьянине-земледельце, то в системе его ценностей равенство занимало одно из первых мест, а богатство – одно из последних. Земледелец считал, что богатство аморально, так как всегда нажито не по совести и правде, а в ущерб и за счет других. Оно не приносит душевного спокойствия, наоборот, обладание им сопряжено с большими хлопотами, волнениями и страхом за свое будущее на том свете, в вечной потусторонней жизни. В комплексе пословиц о богатстве есть 12 пословиц, развивающих идею “богатство нажить – в аду быть”, и ни одной пословицы, в которой бы содержались идеи о том, что богатство приносит моральное удовлетворение и является наградой за труды, энергию, инициативу [Даль, 1957, с. 79–86]. Землю, принадлежавшую общине, крестьяне рассматривали как общее достояние, поэтому доходы и убытки от ее использования должны распределяться по справедливости, по совести, то есть уравнилительно между всеми.

Нарушение равенства воспринималось пострадавшим как ущерб не только материальный, но и моральный, почти как оскорбление. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как на источник богатства и власти. По его мнению, собственность должна обеспечивать человека элементарными средствами к жизни. Использование ее для эксплуатации и обогащения греховно. Источником существования каждого человека должен быть личный труд. Накопление собственности не имеет большого смысла, так как не гарантирует общественного признания, уважения, не помогает осуществлению главных целей жизни, порождает эгоистические чувства и вражду, отвлекает от мыслей о Боге. Крестьянин считал, что если все люди равны перед Богом и царем, то и в обществе все должны быть во всем равны: иметь равные права и обязанности, одинаковый достаток; отклонения от равенства ведут к греху и

потере уважения: “Богатство перед Богом грех, а бедность – перед людьми” [Миронов, 2003, т. 1, с. 327–345].

Подобная трудовая этика не ориентировала человека на рост трудовых усилий. Поэтому у русских крестьян, проживавших в XVIII–начале XX в. по соседству с эстонскими земледельцами на Северо-Западе или с немецкими колонистами в различных регионах, урожайность была в полтора–два раза ниже, зато праздников было в 3,5 раза больше. На рубеже XIX–XX вв. русские крестьяне, помимо воскресений, праздновали около 70 дней в году, а протестанты в Прибалтийских губерниях – 18–20. Среди православных старше 9 лет в 1897 г. насчитывалось 19% грамотных, а среди протестантов – 70% [Общий... 1905, с. 134–139]. Обилие праздников наносило ощутимый вред крестьянскому хозяйству, так как отнимало массу времени и средств. Если бы, например, в 1913 г. православные российские крестьяне имели празднично-воскресных дней столько же, сколько американские фермеры, то есть 68 вместо 140, то это бы дало производству дополнительно около 4,1 млрд человеко-дней в год и увеличило бы баланс рабочего времени почти на 20% [Миронов, 2003, т. 2, с. 308–311]. Если бы деньги, которые крестьяне расходовали в праздники на алкоголь, они употребили на улучшение своего хозяйства, то одно это привело бы российское сельское хозяйство в цветущий вид. “Русская страна и русский народ от того беднее прочих, что мы работаем меньше других, меньше производим и чаще гуляем, – утверждал известный публицист и общественный деятель А. Васильчиков (1818–1881), между прочим, владелец образцового в хозяйственном отношении имения, народник и поклонник крестьянской общины. – Расстройство сельского хозяйства происходит из самых нравов и обычаев нашего народа” [Заметка... 1865, с. 106]. Государственный секретарь А. Половцов советовал императору Александру III: “Если вы, государь, в царствование свое уничтожите чины, общинное владение да половину праздников, так оставите после себя совсем другую Россию” [Половцов, 1966, с. 435].

### Хроническое голодание и жизнь на грани выживания?

Тезис о хроническом недоедании, от которого якобы страдали российские жители и из которого выводится их склонность к солидарности и общинным формам жизни, также несостоятелен. По утверждению Милова, крестьянин в конце XVIII в. в среднем мог потреблять от 1700 до 2100 ккал в сутки, а если бы не кормил зерном скот, то – 2400 ккал [Миллов, 1998, с. 388–389]. Эти данные не соответствуют физиологической норме. В конце XIX–начале XX в. суточная потребность в энергии у взрослого мужчины в возрасте 18–60 лет весом 65–70 кг при полном покое оценивалась в 1800 ккал, при относительном покое – 2300 ккал, при легком труде – 2500 ккал, при умеренном – 3500, при тяжелом – 4000, при очень тяжелом труде – 4500 ккал [Клепиков, 1920, с. 13–15]. В середине XIX в. нормальный трудовой день у трудящихся, например у рабочих, продолжался 11–13 часов и был связан со слабомеханизированной физической работой. Поэтому суточная норма, покрывающая потребность в энергии мужчины, занятого тяжелым физическим трудом, составляла не менее 4000 ккал. В году число рабочих дней, когда требовалось сильное напряжение, не превышало 290 [Дементьев, 1897, с. 60, 93, 106–107], в остальные, праздничные и выходные дни, предполагаем умеренный труд, когда потребность в энергии составляла около 3500 ккал. Отсюда следует: среднегодовая суточная потребность *работающего мужчины* была немногим меньше 4000 ккал, значит, трудящийся человек, рабочий или крестьянин, должен был потреблять такое количество продуктов, которое обеспечивало его этой энергией для совершения тяжелой физической работы в течение рабочего дня круглый год. Известный эксперт по питанию начала XX в. С. Клепиков определяет *фактическую* калорийность питания *взрослого* крестьянина-мужчины в 4501 ккал [Клепиков, 1920, с. 12].

Массовые сведения о питании крестьянства относятся к 1896–1915 гг. Они собраны в 13 губерниях Европейской России экспедиционным или анкетным методами в ходе бюджетных обследований 7381 хозяйства. Согласно собранным данным,

крестьяне в целом получали в день 2952 ккал на душу (включая детей, стариков и женщин), в переводе на взрослого мужчину – 4133 ккал, что было достаточно для тяжелого физического труда в течение дня *круглый* год [Клепиков, 1920, с. 27, 35, 37]. Как видим, потребление по расчету Милова (1700–2100 ккал) обеспечивало суточную физиологическую потребность в энергии у взрослого работника (4000 ккал) лишь на 43–53%, то есть лишь наполовину. Автор не объясняет, к кому конкретно относится полученная им норма потребления – к работникам, мужчинам или ко всему населению. Если ко всему населению, то на взрослого мужчину придется от 2380 до 2940 ккал, и тогда дефицит калорий уменьшится с 50 до 26–40%.

По биологическим законам невозможно, чтобы в течение нескольких столетий народ хронически и значительно – на 26–50% – потреблял меньше, чем требует физиологическая норма. Подобное голодание может продолжаться не более года, после чего, вследствие недостаточного потребления энергии, происходит снижение массы тела. Потери массы тела в пределах 45–50% от первоначального веса несовместимы с жизнью [Общая... 1997, с. 211, 214, 259]. При многовековом полугодовом существовании российский народ просто вымер бы, а не колонизовал или завоевал 21 млн кв. км территории. Важнейшая причина недооценки Миловым уровня сельскохозяйственного производства в России состоит в том, что расчеты урожайности на конец XVII–первую половину XIX в. он основывал на официальной статистике урожайности, которая существенно, как минимум, на 20–30%, занижала истинные размеры сбора хлебов [Миронов, 2012, с. 220–232].

Тезис о хроническом голодании находится в противоречии и с другими фактами. По мнению иностранных наблюдателей XVI–XVII вв., в России был здоровый климат, продукты питания производились в избытке, русские отличались выносливостью, физической силой и здоровьем [Миронов, 1971, с. 39–40]. Например, известный немецкий ученый А. Олеарий, живший в России в 1633–1639 гг. и написавший о ней самую известную и знаменитую в XVII в. книгу, указывал: “Хотя холод у них зимою велик, тем не менее трава и листва весною быстро выходят наружу и по времени роста и созревания страна не уступает Германии”; “почва и кусты покрываются как бы одеждою (снегом. – Б.М.) и охраняются от резкого холода... У них нет недостатка в тех плодах земли, которые необходимы для обыкновенного питания в жизни. Отсутствие некоторых плодов и растений следует приписать не столько почве и воздуху, сколько небрежности и незнанию жителей... Народ здоровый и долговечный. Недомогает он редко... Русские являются людьми сильными и выносливыми, хорошо переносящими холод и жару... Женщины среднего роста, красиво сложены, нежны лицом и телом... Мужчины большей частью рослые, толстые и крепкие люди, кожей и натуральным цветом своим сходные с другими европейцами” [Олеарий, 1986, с. 328, 331, 335, 345].

Это писалось о русской ойкумене – Нечерноземном центре первой трети XVII в. Наблюдения Олеария подтверждаются современными исследователями. А. Шапиро показал, что в XV–XVI вв. сельское хозяйство России и европейских стран со сходными с нею природными условиями (Польша, Германия) находилось примерно на одинаковом уровне (имелись в виду агротехника, урожай, продуктивность животноводства), и лишь впоследствии, особенно в XVIII–XIX вв., обнаружилось отставание [Шапиро, 1987, с. 16–30]. Крестьянство самой северной части Русского государства в XV–XVI вв. (новгородских земель и Поморья) обеспечивало хлебом и себя, и городское население [Аграрная... 1971, с. 349]. Не страдали дистрофией российские жители и в XVIII–XIX вв.: по своему росту они были примерно равны своим соседям в странах Центральной и Восточной Европы (табл. 2). А рост (длина тела) взрослого человека, достигшего полной физической зрелости, – один из самых надежных показателей биостатуса и уровня питания в течение всей жизни до измерения роста.

Сравнительный анализ показывает: в России и Европе изменения среднего роста новобранцев происходили большей частью согласованно. В неевропейских странах ситуация могла быть иной. До индустриальной революции Россия, с точки зрения биостатуса и, вероятно, общего благосостояния народа в европейском масштабе, не

Средний рост новобранцев 1700–1950 гг. рождения в 18 странах (в см)

| Страна         | 1700 г. | 1750 г. | 1850 г. | 1900 г. | 1950 г. |
|----------------|---------|---------|---------|---------|---------|
| Россия         | 165     | 164     | 165     | 167     | 172     |
| Австралия      | –       | –       | 173     | –       | 174     |
| Великобритания | 166     | 165     | 165     | 169     | 174     |
| Венгрия        | –       | 166     | –       | –       | 171     |
| Германия       | –       | 166     | 166     | 169     | 176     |
| Индия          | –       | –       | –       | 164     | 164     |
| Испания        | –       | –       | 162     | 164     | 168     |
| Италия         | –       | –       | 163     | 165     | 170     |
| Китай          | –       | –       | –       | 168     | 167     |
| Мексика        | –       | 163     | 164     | 163     | 165     |
| Нидерланды     | –       | –       | 166     | 170     | 178     |
| Португалия     | –       | –       | –       | 165     | –       |
| США            | 172     | 174     | 172     | 173     | 177     |
| Франция        | –       | 164     | 165     | 167     | 172     |
| Чехословакия   | –       | –       | –       | 168     | –       |
| Швеция         | 169     | 168     | 168     | 173     | 178     |
| Япония         | 157     | 157     | 155     | 157     | 160     |

Источники: [Health... 1997, p. 424; Fogel, 2004, p. 13; Komlos, 1989, p. 75–76; Миронов, 2004, с. 141–150].

отличалась существенно от Англии и других западноевропейских стран, поскольку средний дефинитивный рост мужчин в Европе XVIII–первой половины XIX в. находился в границах 162–166 см. И в XIX–начале XX в. Россия не покидала свою историческую колею – страны средней по уровню социально-экономического развития, иногда несколько отдаваясь от середины в ту или другую сторону.

### Роль географического фактора в российской истории

Проведенный анализ приводит к выводу: географическая среда оказывала известное, в некоторых случаях важное, но не решающее влияние на развитие социума. Его следует учитывать, принимая во внимание два обстоятельства. Во-первых, влияние одного и того же природного фактора на разные общества (и на одно и то же общество в разные эпохи) может вызывать разные реакции в зависимости от уровня их развития, исторического момента и ряда других обстоятельств. Чем примитивнее социум, тем больше значение географического фактора, чем развитее, – тем меньше; с ростом производительных сил роль природной среды уменьшается [Гринин, 2011, с. 171].

Во-вторых, географический фактор не сводится к климату; он имеет другие важные составляющие – местоположение страны, ее континентальность, развитость речной системы, близость морей и океанов, почвы, минеральные и водные ресурсы, растительный и животный мир. Но и климат имеет важную составляющую, не сводимую к средней температуре или средней величине осадков, – климатические колебания, которые влияют на ритм и частоту урожаев и неурожаев, а вековые изменения климата – и на их уровень. Анализ сопряженности колебаний с температурой и осадками в XVIII–XIX вв. обнаружил между ними заметную связь. Например, последняя треть XVIII в. отмечена падением урожайности в основных земледельческих районах примерно с сам–4,4 до сам–3,3 или на треть (см. табл. 3).

Помимо снижения плодородия пашни (вследствие уменьшения парового клина, сокращения залежи, включения в сельскохозяйственный оборот земель худшего качества и недостаточного удобрения), в падение урожайности важный, а может быть и решающий, вклад внесли неблагоприятные метеорологические условия. XVIII в. стал

Таблица 3

**Урожайность основных хлебов в Центральной части Европейской России в XVIII в.  
по десятилетиям (в “самах”)**

| Культура   | 1710-е гг. | 1720-е гг. | 1730-е гг. | 1740-е гг. | 1750-е гг. | 1770-е гг. | 1780-е гг. | 1790-е гг. |
|------------|------------|------------|------------|------------|------------|------------|------------|------------|
| Рожь       | 2,9        | 3,6        | 3,2        | 4,3        | 3,7        | 4,2        | 3,3        | 3,1        |
| Пшеница    | 3,9        | 3,7        | 3,9        | 3,6        | 3,3        | 4,3        | 3,2        | 3,0        |
| Овес       | 2,7        | 4,1        | 3,3        | 3,8        | 3,5        | 4,8        | 3,4        | 3,6        |
| Ячмень     | 3,9        | 4,5        | 4,0        | 3,7        | 4,3        | 4,2        | 3,5        | 3,1        |
| В среднем* | 3,0        | 3,9        | 3,4        | 4,0        | 3,6        | 4,4        | 3,4        | 3,3        |

\* Средний урожай получен путем взвешивания урожайности четырех культур по их доле в посевах.

Подсчитано по [Индова, 1970, с. 141–155; Рубинштейн, 1957, с. 337–340].

Таблица 4

**Климат и урожай в России в 1752–1879 гг.**

| Годы      | Средняя годовая температура* | Годы      | Урожай ржи, (“сам”) |
|-----------|------------------------------|-----------|---------------------|
| 1752–1760 | 3,26                         | 1740–1749 | 4,3                 |
| 1761–1775 | 3,54                         | 1750–1759 | 3,7                 |
| 1776–1782 | 3,07                         | 1760–1769 | 4,7                 |
| 1783–1794 | 2,69                         | 1770–1779 | 4,2                 |
| 1795–1810 | 2,61                         | 1780–1789 | 3,3                 |
| 1811–1826 | 3,25                         | 1795–1810 | 3,2                 |
| 1827–1863 | 3,32                         | 1811–1826 | 3,3                 |
| 1864–1879 | 3,40                         | 1827–1863 | 3,4                 |
|           |                              | 1864–1879 | 3,6                 |

\* В С.-Петербурге, по Цельсию.

Подсчитано по [Вильд, 1882, вып. 2, с. 289–291; Индова, 1970, с. 141–155].

частью так называемого малого ледникового периода (XIV–XIX вв.), когда повсеместно в Европе проходило похолодание, затронувшее и Россию. На ее европейской части зафиксирована повышенная частота негативных для урожая природных явлений – суровых зим, сильных ветров, продолжительных осадков [Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 62–91, 504]. Средние годовые температуры, имеющие прямое отношение к продолжительности вегетационного периода и количеству осадков, понизились (как свидетельствует самый ранний и длинный ряд измерений по Санкт-Петербургу) почти на градус по Цельсию<sup>4</sup>, параллельно с этим наблюдалось понижение урожайности (см. табл. 4).

По расчету В. Мыглана, в Сибири XVIII–XIX вв. “климатическая составляющая (температура и осадки. – *Б.М.*) обеспечивает *изменчивость* до 40–60% урожайности зерновых. Влияние климатических *колебаний* выступает при прочих равных условиях в качестве главного фактора развития земледельческого хозяйства в рассматриваемых регионах” [Мыглан, 2012, с. 29–30; 2010; Мыглан... 2007, с. 90–96]. Весьма показательно, что вывод Мыглана, как он сам отмечает, согласуется с данными, получен-

<sup>4</sup> В отдельных местностях температура понижалась в разной степени, но из-за отсутствия сведений оценить меру ее падения в XVIII–первой половине XIX в. точно невозможно [Вильд, 1878–1882; Климатологический... 1900; Объяснительная... 1900].

ными исследователями для современного постиндустриального периода [Жирнова, Моргун, Ваганов, 1999, с. 14–19].

*Колебания* в производстве сельскохозяйственных продуктов настолько зависят от природы – от колебаний температуры, осадков и экстремальных природных явлений (наводнений, смерчей, землетрясений, цунами), что даже высочайший современный уровень агротехники на Западе не в состоянии их устранить. Это, впрочем, не означает, что климат имеет определяющее влияние на современное сельское хозяйство. Подчеркну, что в указанных исследованиях оценивается *согласованность в колебаниях урожаев*, с одной стороны, и температуры и осадков – с другой. Чем обуславливается *сам уровень урожайности* – не изучается, так как автор решает иные задачи. Но *уровень земледелия* изменяется, конечно, не только или даже не столько под влиянием климатических колебаний, сколько под влиянием социально-экономических факторов. Мыглан это сознает и поэтому формулирует итоговый вывод корректно: “Комплексный анализ исторических и дендрохронологических данных свидетельствует о том, что хозяйственная деятельность человека в Сибири в малый ледниковый период в значительной мере определялась климатическим фактором” [Мыглан, 2012, с. 13]. При этом «под климатогеографическим фактором понимается весьма сложная система, влияние которой на жизнь растений, животных и людей часто проявляется лишь косвенным путем, различным в зависимости от места возделываемых культур и времени года, тогда как прямые проявления составляют лишь “верхушку айсберга”. Можно сказать, что в этом случае география выступает в качестве своеобразной сцены исторической постановки, климат в качестве декораций, на фоне которых протекают все остальные процессы, но они не заменяют собой главных действующих лиц» [Мыглан, 2012, с. 20].

### **“Горькая теорема” А. Паршева о неконкурентоспособности России на мировом рынке**

Почти одновременно с монографией Милова вышла научно-популярная по жанру книга полковника Пограничной службы Федеральной службы безопасности России Паршева “Почему Россия не Америка” (1999), доказывающая, что из-за природно-климатических особенностей России воплощаемая в настоящее время в ней либеральная модель рыночных реформ в конечном итоге приведет к вымиранию значительной части населения и распаду государства. Низкая среднегодовая температура, невозможность проживания человека на большей части территории страны без отопления, географическое положение и огромные пространства, высокие транспортные издержки при перевозке товаров внутри страны и за рубеж порождают повышенную ресурсоемкость и энергоемкость и, как следствие, – высокую себестоимость ее продукции. При свободе внешней торговли большая часть российской продукции неизбежно будет неконкурентоспособной на мировых рынках. В условиях свободы перемещения капитала через границу и конкуренции за капиталовложения Россия будет проигрывать в борьбе за инвестиции (ввиду их меньшей доходности) даже при прочих равных условиях, а произведенный в России капитал будет вывозиться из страны. В дальнейшем эти процессы приведут к деградации инфраструктуры и вымиранию населения, вынужденного обслуживать только сырьевые и вспомогательные отрасли [Паршев, 1999, с. 9–104].

Концепция Паршева получила название “горькой теоремы”: “В конкурентной борьбе за инвестиции, если игра ведется по правилам свободного мирового рынка, почти любое российское предприятие заведомо обречено на проигрыш. Под свободным мировым рынком понимаем ситуацию, когда товары и капиталы могут свободно перемещаться по всему миру, валюты свободно конвертируются, пошлины на границах невелики, или вообще ни пошлин, ни границ нет, и предприятия, независимо от формы собственности, торгуют самостоятельно” [Паршев, 1999, с. 95]. Она вызвала живую дискуссию, у нее нашлось много сторонников (см., например, [Естественно-историче-

ская... 1999]) и еще больше противников. Из критики, касающейся многих аспектов его построений, выделю те, которые относятся собственно к географическому фактору.

В порядке критики этой концепции можно отметить, что теплый климат имеет свои минусы, которые могут перевешивать плюсы: расслабляющее действие жары; большое количество заболеваний, особенно таких как малярия, бильгарциоз и лимфатический филяриатоз, которые быстрее распространяются в жарком климате, чем в холодном; нерегулярные поставки свежей воды, возникающие из-за засушливых и влажных сезонов; высокие затраты на охлаждение, превышающие затраты на отопление. Например, в самых современных зданиях в Сингапуре и Малайзии затраты на кондиционирование в помещениях почти на треть превышают издержки на отопление аналогичных строений в России; а в США в расчете на одного жителя тратится на кондиционирование больше энергии, чем в России на отопление. Русский холод не может считаться определяющей характеристикой ни климата, ни экономики страны, так как в ней имеются значительные, но слабозаселенные территории с хорошим климатом, да и относительно плотно заселенная европейская часть весьма разнообразна по природно-климатическим условиям [Горбань, Гурьев, Юдаева, 2002, с. 71–72; Цирель, 2002, с. 2–11].

Влияние климата на экономическое развитие в целом незначительно по сравнению с другими факторами. Дополнительные затраты на отопление составляют относительно небольшую величину – в 1990 г. 6,3% от всех энергетических затрат в народном хозяйстве (с учетом расходов на перевозку энергоносителей). Доля расходов на электроэнергию для народного хозяйства России, по данным 2002 г., составляла 6–7% от стоимости конечной продукции, доля затрат населения России на электроэнергию – не более 1,4% от его доходов, а доля расходов населения на коммунальные услуги – 3,7% от его доходов [Цирель, 2002, с. 17–19].

Много фактов противоречит выводу о тесной связи между климатом и экономическим развитием. Например, затраты энергии на доллар ВВП равны для таких стран, как Алжир и Норвегия, а Узбекистан и Кувейт – наиболее энергоемкие страны в расчете на доллар ВВП. Энергозатратность экономики в России меньше, чем в более теплой Украине. Богатый Сингапур и бедная Южная Африка имеют примерно одинаковый климат [Suehiro, p. 16–18].

Опыт экономического развития протокапиталистической России второй половины XIX–начала XX в. буквально опровергает гипотезу Паршина. В условиях, когда рынок был открыт и существовала свобода перемещения товаров и капитала через границу, Россия выигрывала в конкуренции за капиталовложения, став одной из самых привлекательных стран для иностранных инвестиций. “Ко времени падения царизма Россия была крупнейшим мировым заемщиком, на которого приходилось около 11% мирового объема мировых долгов” [Грегори, 2003, с. 41]. По ввозу капитала в Россию первой шла Франция, второй – Великобритания, затем Германия, Бельгия, США. Масштабы инвестиций из-за трудностей учета до сих пор точно не определены. Легче идентифицировать иностранный капитал в акционерных предприятиях, чем обычно дело и ограничивается, но и здесь оценки существенно различаются – от 1,5 до 2,2 млрд руб. в 1914 г. [Хромов, 1967, с. 472–473]. В мировой историко-экономической литературе принята, хотя и с оговорками, оценка, сделанная крупным российским экономистом П. Олем<sup>5</sup>. Согласно ей, иностранные капиталы, вложенные *только* в банковские, промышленные и торговые *акционерные* предприятия страны, достигали 2,2 млрд руб. (в том числе 1,5 млрд руб. в промышленность) или 38% от всего акционерного российского капитала (см. табл. 5).

Разница в оценках, принадлежащих разным экспертам, инвестиций в единоличные предприятия намного больше, чем в акционерный капитал, – от 250 до 2200 млн руб. Иностранный капитал направлялся преимущественно в железнодорожный транспорт,

<sup>5</sup> И. Гиндин (1900–1980), крупнейший эксперт по финансовому капиталу в России, оценил расчеты Оля как “наиболее тщательные и серьезные” [Гиндин, 1997, с. 226–227]; см. также [Gatrell, 1986, p. 227–228; McKay, 1970, p. 26–28].

**Иностранный капитал в промышленности и банках России в 1880–1915 гг.**

|                                                                                | 1880 г.       | 1890 г.       | 1895 г.       | 1900 г.       | 1905 г.       | 1910 г.       | 1915 г.       |
|--------------------------------------------------------------------------------|---------------|---------------|---------------|---------------|---------------|---------------|---------------|
| Общий объем иностранных инвестиций в экономику России (млн руб.)               | 97,7          | 214,7         | 280,1         | 911,0         | 1037,4        | 1358,1        | 2205,9        |
| Доля иностранного капитала во всем акционерном российском капитале (%)         |               | 25            | 26            | 37            | 35            | 38            | 38            |
|                                                                                | 1880–1889 гг. | 1890–1892 гг. | 1893–1899 гг. | 1900–1902 гг. | 1903–1905 гг. | 1906–1908 гг. | 1909–1913 гг. |
| Доля иностранного капитала в общей сумме новых инвестиций в промышленность (%) | 41            | 33            | 55            | 47            | 81            | 37            | 50            |

Источники: [Оль, 1922, с. 8; McKaу, 1970, р. 26–28].

металлургию и горнодобывающую промышленность. Однако крупные инвестиции были сделаны также в предприятия химической, текстильной, машиностроительной и электрической (электроэнергетику и электротехнику) промышленности, в торговлю. Выдающееся место иностранный капитал занимал в финансовой сфере – в 1913 г. во всех коммерческих банках России его доля составляла 33–40% [Хромов, 1967, с. 468, 473–474]. При этом большая часть полученной прибыли реинвестировалась (см. табл. 5). В новых инвестициях в промышленность в 1885–1915 гг. доля иностранного капитала составляла около 60% [Gatrell, 1986, р. 227].

На 1914 г. В. Бовыкин оценил всю сумму вложений иностранного капитала в российские ценные бумаги в 8945 млн руб.<sup>6</sup> Из них производительные вложения (акционерное предпринимательство, железнодорожное дело, городское хозяйство, частный ипотечный кредит) составили 5245 млн руб., а непроизводительные (государственные займы на “общие нужды”, казенный ипотечный кредит) – 1787 млн руб. Накануне войны доля иностранных вложений равнялась 43% (см. табл. 6).

Благодаря иностранным инвестициям, промышленность России развивалась весьма быстрыми темпами – в 1864–1886 гг. среднегодовые темпы роста составляли около 4%, в 1887–1913 гг. увеличились до 6,65%<sup>7</sup>, несмотря на повышенную, по утверждению Паршина, ресурсоемкость и энергоемкость и, как следствие, высокую себестоимость продукции (см. табл. 7). По расчетам А. Мэддисона, в 1870–1913 гг. среднегодовой прирост валового “западного” объема производства (Европа и Северная Америка) равнялся 2,7%, российского – 3,25%, а на душу населения в Западной Европе составлял 1,6% и был равен российскому [Maddison, 1964, р. 28; Грегори, 2003, с. 24]. Как отмечает П. Грегори, “по темпам промышленного роста и роста производительности труда Россия на протяжении последних 25 лет перед Первой мировой войной конкурирует с главными быстрорастущими промышленными странами... В последние 25 лет перед Первой мировой войной российская экономика окажется абсолютным рекордсменом как по темпам роста промышленного выпуска, так и по темпам роста производительности труда” [Грегори, 1999, с. 24, 88].

<sup>6</sup> Расчет Бовыкина – последний в ряду многочисленных экспертных оценок, но также приблизительный. Как он сам отмечал, им не учитывались вложения в единоличные неакционированные предприятия. Хромов общую сумму иностранных капиталовложений определил в 8 млрд руб. [Хромов, 1967, с. 473–474].

<sup>7</sup> Оценка Грегори по данным Л. Кафенгауза [Грегори, 1999, с. 478; Кафенгауз, 1994]. Среднегодовые темпы роста российской промышленности в 1887–1913 гг. различными исследователями оцениваются по-разному, в интервале 4,7–6,7% [Бородин, 2006, с. 184–200; Бокарев, 2006, с. 158–190]. Однако и при самой низкой оценке темпы развития российской промышленности в 1887–1913 гг. будут одними из наиболее высоких в сравнении с другими странами в период их индустриализации.

Таблица 6

**Иностранный капитал в народном хозяйстве России в 1893–1913 гг.  
(производительные и непроизводительные вложения в российские ценные бумаги)**

| Год  | Иностранные капиталовложения<br>(млн руб.) |                         |       | Доля иностранных капиталовложений (%) |                         |       |
|------|--------------------------------------------|-------------------------|-------|---------------------------------------|-------------------------|-------|
|      | Производи-<br>тельные                      | Непроизво-<br>дительные | Итого | Производи-<br>тельные                 | Непроизво-<br>дительные | Итого |
| 1893 | 2267                                       | 595                     | 4755  | 47                                    | 18                      | 58    |
| 1900 | 3848                                       | 697                     | 6445  | 48                                    | 18                      | 54    |
| 1908 | 4070                                       | 2010                    | 7988  | 43                                    | 30                      | 49    |
| 1913 | 5245                                       | 1787                    | 8945  | 39                                    | 23                      | 43    |

Источник: [Бовыкин, 2001, с. 107].

Таблица 7

**Динамика промышленного производства в России, США, Германии,  
Великобритании и Франции в 1860–1913 гг. (в %)**

| Год  | Германия | Велико-<br>британия | Франция | Россия | Россия* | США  | Весь мир |
|------|----------|---------------------|---------|--------|---------|------|----------|
| 1860 | 100      | 100                 | 100     | 100    |         | 100  | 100      |
| 1870 | 129      | 129                 | 131     | 163    |         | 138  | 136      |
| 1880 | 179      | 156                 | 165     | 213    |         | 213  | 186      |
| 1890 | 286      | 182                 | 215     | 338    | 100     | 488  | 307      |
| 1900 | 464      | 232                 | 254     | 763    | 220     | 675  | 429      |
| 1913 | 714      | 294                 | 385     | 1250   | 462     | 1250 | 714      |

\* Оценка Грегори по данным Л. Кафенгауза. 1887 г. = 100.

Источники: [Хромов, 1963, с. 107; Грегори, 1999, с. 478].

Таблица 8

**Доля России, США, Германии, Великобритании и Франции  
в мировом промышленном производстве в 1881–1913 гг. (в %)**

| Страны         | 1881–1885 гг. | 1896–1900 гг. | 1913 г. |
|----------------|---------------|---------------|---------|
| Россия         | 3,4           | 5,0           | 5,3     |
| США            | 28,6          | 30,1          | 35,8    |
| Великобритания | 26,6          | 19,5          | 14,0    |
| Германия       | 13,9          | 16,6          | 15,7    |
| Франция        | 8,6           | 7,1           | 6,4     |

Источники: [Industrialization... 1945, p. 13; Rather, Soltow, Sylla, 1979; Россия... 1995, с. 51].

По *темпам* развития промышленности в 1860–1913 гг. Россия делила первое и второе место с США, обгоняя Германию, Великобританию и Францию. Вследствие этого доля России в мировом промышленном производстве с 1881–1885 гг. по 1913 г. возросла с 3,4 до 5,3% (см. табл. 8).

В пореформенное время довольно быстрыми темпами развивалась не только промышленность, но и вся экономика, благодаря чему благосостояние россиян, которое в XVI–первой половине XIX в. то росло, то падало, вышло на новый, более высокий рубеж, превзойдя самые высокие показатели за всю предшествующую историю

**Соотношение валового внутреннего продукта (ВВП) в России  
и некоторых странах мира (в %)**

|                       | 1820 г. |                       | 1870 г. |                       | 1913 г. |                       |
|-----------------------|---------|-----------------------|---------|-----------------------|---------|-----------------------|
|                       | ВВП     | ВВП на душу населения | ВВП     | ВВП на душу населения | ВВП     | ВВП на душу населения |
| Россия                | 100     | 100                   | 100     | 100                   | 100     | 100                   |
| Россия/Китай          | 16,5    | 114,8                 | 42,1    | 177,9                 | 96,3    | 269,6                 |
| Россия/Индия          | 83,8    | 129,3                 | 62      | 176,9                 | 113,8   | 221,1                 |
| Россия/Япония         | 182,1   | 103,0                 | 329,1   | 128,0                 | 324,1   | 107,3                 |
| Россия/Италия         | 167,6   | 61,7                  | 200,0   | 62,9                  | 243,3   | 68,0                  |
| Россия/Франция        | 98,2    | 56,0                  | 116,0   | 50,3                  | 160,8   | 42,6                  |
| Россия/Германия       | 143,3   | 65,1                  | 117,1   | 51,8                  | 97,9    | 40,8                  |
| Россия/Великобритания | 104,1   | 40,4                  | 83,4    | 29,5                  | 103,5   | 30,2                  |
| Россия/США            | 301,6   | 54,8                  | 85,0    | 38,6                  | 44,9    | 28,1                  |
| Россия/8 стран        | 154,4   | 78,1                  | 141,8   | 89,5                  | 155,5   | 101,0                 |

Источник: [Maddison, 2001, p. 261, 264].

Таблица 10

**Среднегодовые темпы увеличения ВВП после начала современного  
экономического роста отдельных странах мира (в %)**

| Страны   | Годы      | ВВП  | ВВП на душу населения |
|----------|-----------|------|-----------------------|
| Россия   | 1890–1913 | 3,72 | 2,09                  |
| Франция  | 1820–1850 | 1,57 | 1,06                  |
| Германия | 1820–1850 | 1,97 | 0,95                  |
| Италия   | 1870–1900 | 1,11 | 0,53                  |
| Япония   | 1890–1913 | 2,51 | 1,38                  |

Источник: [Гайдар, 2005, с. 279].

России. Чистый национальный доход страны за 52 года, 1861–1913 гг., увеличился в 3,84 раза, а на человека – в 1,63 раза. Душевой прирост общего объема производства составлял 85% от среднеевропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и “среднезападных” – ВВП увеличивался на 3,3% ежегодно. По ключевым экономическим показателям Россия сократила разрыв с ведущими странами Запада [Петров, 2002, с. 168–223]. Из великих держав лишь в США темпы были выше – 3,5% [Грегори, 2003, с. 61–62]. Несмотря даже на очень большой естественный прирост населения (самый высокий среди всех европейских стран), душевой ВВП увеличивался быстрее, чем в самых больших экономиках мира, а среди западных стран быстрее, чем в Великобритании и Италии (см. табл. 9).

В процесс современного экономического роста Россия вступила на два поколения позже, чем Франция и Германия, на поколение позже, чем Италия, и примерно одновременно с Японией [Гайдар, 2005, с. 278–283]. Но по темпам роста ВВП после начала современного экономического роста она также занимала одно из первых мест (см. табл. 10).

\* \* \*

Итак, гипотезу Пайпса–Милова о якобы роковых последствиях “суровой” российской природы для нашей страны в доиндустриальную эпоху и гипотезу Паршева о трагических последствиях природно-климатических особенностей российской

природы в индустриальную и постиндустриальную эпохи следует признать несостоятельными. В обеих гипотезах проявляется откровенный географический детерминизм, дефектность которого давно доказана многочисленными фундаментальными исследованиями, проведенными во всем мире. Исторический опыт России также опровергает обе гипотезы: как в доиндустриальную эпоху, в XVI–первой половине XIX в., так и в индустриальную и постиндустриальную эпохи, во второй половине XIX–середине XX в., страна имела значительные, а иногда и выдающиеся успехи на всех поприщах, которые не могли быть достигнуты народом, влачившим полуголодное существование, в условиях неконкурентоспособной среды. Список этих успехов очень длинный. Достаточно сказать, что в XVI–первой половине XIX в. российский народ колонизовал или завоевал около 20 млн кв. км территории; в 1861–1913 гг. и в 1921–1965 гг. страна занимала одно из первых мест в Европе по темпам роста промышленности и ВВП. Относительная отсталость России по сравнению с Западом постепенно преодолевалась, иногда с большим, иногда с меньшим успехом. Но в этом отставании доля природного фактора относительно мала, решающее значение имело качество институтов, а также геополитические, культурные, социальные, экономические факторы.

Хотя бы того сторонники географического детерминизма или нет, но природа под их пером превращается в своего рода “козла отпущения” и на нее вваливается вина за культурную и экономическую отсталость, за недостатки политического и общественного устройства страны. На ком лежит вина за суровое русское крепостничество? – на “природе-Мачехе”. За многовековое экстремальное самодержавие? – на ней же. За культурную отсталость? – на ней же. За неумение систематически работать? – на ней же. За безалаберность и надежду на авось? – на ней же. Список вопросов и ответов легко продолжить, потому что, как утверждает Милов: “Природно-климатический фактор имел важнейшее влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития тех или иных его социальных формирований, охватывающих племена или народы, или целостные государственные образования и государства” [Милов, 1998, с. 554]. Во всем виновата “природа-Мачеха”! Какой комфортный для ленивого ума и заснувшей души ответ на все “проклятые” вопросы русской истории. Когда видишь, как велико число россиян, которым по душе столь легкий ответ, начинает казаться, что возвышающий обман нам действительно дороже горьких истин.

Эта пессимистическая, по сути, концепция не только не адекватна фактам, она, самое печальное, играет демобилизующую роль и порождает фатализм, ибо победить природу практически невозможно, во всяком случае, несравненно тяжелее, чем реформировать институты. Если виновата природа, то все наши труды в конечном итоге окажутся скорбными и не вознагражденными. Согласно ставшей широко известной теореме Томаса, названной в честь американского социолога У. Томаса (1863–1947), “если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям”. Другими словами, ментальные структуры, независимо от того, насколько они адекватны реальности, предопределяют не только восприятие действительности, но и действия людей [Маснионис, 2004, с. 205]. Перекадывая всю вину на природу, мы попадаем в капкан, из которого нет выхода.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV–начало XVI в. Л., 1971.  
*Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.  
*Бокарев Ю.П.* Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX–начале XX в. // Экономический журнал. 2006. № 1.  
*Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.  
*Бородкин Л.И.* Дореволюционная индустриализация и ее интерпретации // Экономическая история. Обозрение. Вып. 12. М., 2006.

Вильд Г. О температуре воздуха в Российской империи, на основании критического рассмотрения наблюдений, по предложению министра государственных имуществ П.А. Валуева, разработал директор Главной физической обсерватории и член Имп. Академии наук г. Вильд. В 2 вып. СПб., 1878–1882.

Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005.

Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX–начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997.

Горбань М., Гурьев С., Юдаева К. Россия в ВТО: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2002. № 2.

Грегори П. Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX–начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.

Гринин Л.Е. Природный фактор в аспекте теории истории // Философия и общество. 2011. № 2.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897.

Естественно-историческая специфика России и русские геополитические концепции. СПб., 1999.

Жирнова Д.Ф., Моргун В.Н., Ваганов Е.А. Компьютерное картографирование многолетних данных по урожайности зерновых культур и ее динамики на юге Красноярского края как возможность улучшения схемы районирования // Вестник Красноярского государственного аграрного университета (КрасГАУ). 1999. № 5.

Заметка о влиянии праздничных и прогульных дней на общее экономическое положение России // Владимирские епархиальные ведомости. 1865. № 7.

Индова Е.И. Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII–XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970.

Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в.–30-е г. XX в.). М., 1994.

Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Ч. 1. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920.

Климатологический атлас Российской империи, изданный Николаевскою Главною физическою обсерваторией в память 50-летней деятельности: 1849–1899. СПб., 1900.

Масионис Дж. Социология. М.–СПб., 2004.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2012.

Миронов Б.Н. Кто виноват? Природа или институты: географический фактор в истории России. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2014. № 4.

Миронов Б.Н. Революция цен в России XVIII в. // Вопросы истории. 1971. № 1.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 2003.

Миронов Б.Н. Экономическая биология человека // Вопросы экономики. 2004. № 10.

Мыглан В.С. Историко-культурные процессы в Сибири в контексте климатических изменений по данным археологии, дендрохронологии и истории (XVII–XIX вв.). Дисс... д.и.н. Красноярск, 2012.

Мыглан В.С. Климат и социум Сибири в малый ледниковый период. Красноярск, 2010.

Мыглан В.С., Овчинников Д.В., Ваганов Е.А., Жирнова Д.Ф. Влияние климатических изменений на хозяйственную деятельность населения Южной Сибири в “малый ледниковый период” // География и природные ресурсы. 2007. № 1.

Общая и военная гигиена. СПб., 1997.

Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. В 2 т. Т. 2. СПб., 1905.

Объяснительная записка к Климатологическому атласу Российской империи, изданному Николаевскою Главною физическою обсерваторией в память 50-летней деятельности: 1849–1899. СПб., 1900.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

Оль П.В. Иностранные капиталы в России. Пг., 1922.

- Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. М., 1999.
- Петров Ю.А.* Российская экономика в начале XX в. // Россия в начале XX в. М., 2002.
- Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. В 2 т. Т. 2. М., 1966.
- Природные ресурсы зарубежных территорий Европы и Азии / А.М. Рябчиков (ред.). 1976.
- Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
- Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.
- Хромов П.А.* Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967.
- Цирель С.В.* Миф о дефектности русской природы. Запоздалая рецензия на книгу А.П. Паршева "Почему Россия не Америка" (<http://www.ccas.ru/manbios/tsirel.html>).
- Шapiro А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987.
- Fogel R.* The Escape from Hunger and Premature Death, 1700–2100: Europe, America, and the Third World. Cambridge, 2004.
- Gatrell P.* The Tsarist Economy, 1850–1917. London, 1986.
- Health and Welfare during Industrialization. Chicago–London, 1997.
- Industrialization and Foreign Trade. Geneva, 1945.
- Komlos J.* Nutrition and Economic Development in Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: an Anthropometric History. Princeton, 1989.
- Maddison A.* Economic Growth in the West. New York, 1964.
- Maddison A.* The World Economy: a Millennial Perspective. Paris, 2001.
- McKay J.* Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization: 1885–1913. Chicago, 1970.
- Rather S., Soltow J.H., Sylla R.* The Evolution of the American Economy: Growth, Welfare, and Decision Making. New York, 1979.
- Suehiro Sh.* Energy Intensity of GDP as an Index of Energy Conservation: Problem in International Comparison of Energy Intensity of GDP and Estimate Using Sector Based Approach // Institute of Energy Economics, Japan (IEEJ). August 2007 (<http://eneken.iecej.or.jp/en/data/pdf/400.pdf>).

© Б. Миронов, 2015